

Вступление

Жизнь, как аксессуар смерти,
Смерть, как рождение памяти,
Новая жизнь, как ветер,
Дует то вкось, то в праведность,
То в тихоход, то в свист,
Жизнь загребает веером
Свой многоликий смысл,
И раздает со сладостью
То крыло неба, то перья,
То темный омут, то мысль,
Ты собирай, да радуйся,
Что можешь с себя спросить,
А не пенять, на плакаться
В мокрый рукав души...

Солнечная мать

А на привале
солнечная мать
заплетает косы лета,
А кто оставил
свой порог,
раздели со мной
попутный ветер,
Да седую прядь
мудрости упрямой,
Синий парус
знает печаль неба,
Собирать
нам дождины влагу
теплым хлебом.

А за стеною
грозových огней
верная застава,
А за весною,
в шрамах ледяных,
солнечная слава,
Обогреть,
уложить землей
разношерстны тропы,
В сердца степь
собирать огонь,
да глядеть далеко.

Ты змеись
песня золотая,
матушка-зарница,
Не кривись,
все равно същу я
на твоих страницах,
Бубенцы
утренней молебны
солнечной росы,
Ты неси,

да любви отведай,
у моей весны.

Цыганская люба

Где-то
стонет вечер от костров закатных свеч,
Ветер
упадет воздушным шелком с утомленных плеч,
Там раскроет небо парусник ночного бденья,
И заплачет, как младенец,
дух проникшихся огнем.
Мирра
от слезы луны туманной растворяется в воде,
Съро,
это дождь, разлучник-дождь, под ноги стеклится,
но мне,
ясно при твоём учтивом свете,
моя заблудшая капель,
пойдем.

Мера,
что отмерил пригубил по праву своих дел,
Белый
дым растаял, серебро ночных свечей раздел,
Эти звезды, словно капли ледяного ветра,
Что припали к тишине
ночного неба сном богов.
Я здесь
остаюсь ночным свиданием холодной крови,
Праздность,
распевая колыбельною ночного вора,
я украл покой дыханья, я взрываюсь под дождем,
ты верна мне кротким боем,
моя любовь-цыганка.

Мистификация нового дня

Смотри, как туман
Белым налетом
Оседают в глазах
Рассветных минут,
Читай по губам
Нового дня,
В твоих руках
Шанс на судьбу.

В твоих слезах
Соль бездорожья,
В твоих молитвах
Шрамы грехов,
Вызови страх
Приступом "можно",
Срежь тишину,
Да стреляй за порог.

Смотри, как туман
Серый разбойник

С маткой-землей
Водит венчальную,
Читай у костров,
Ветра достойных,
Стихи про любовь,
Псалмы о печали.

Свет на серебро

Бледная звезда
Загляни в окно,
Свет на серебро,
Тени на глаза.

Сонная звезда
Распишись огнем,
Свет на серебро,
Плачут образа.

Черная звезда,
Где твоя свеча,
Вьюга да печаль,
Серебро Христа.

Звездная хандра,
Бледная капель,
Вьюга да метель,
Мера ты моя.

Плачет по нам тишина, да убитая горем осень

Не прячь сердце
От моей вести.
Где ветер глотает пыль,
Где ночь стройна,
Как черная месса,
Там кто-то кого-то любил.

Где песни живут
В полуденном зное,
Где бродит пастух откровений,
Я видел огонь,
Я грел им покои
Глаз, исполненных неба.

Не прячь слух
От моей вести.
Где ветер глотает память,
Где ночь светла
Свежестью месяца,
Там кто-то сердце оставил.

Все как прежде

Все как прежде,
машин перебег за окном,
нагоняя циклон размышлений,

в ритуальный процесс,
перед облачным сном,
день к закату клонит постепенно.
Все как надобно,
шагом крадется луна
по перине ночного убранства,
свежий воздух глотком затяжным,
вязь вина,
оплетает хандру постоянства.
Все как издавна,
издали видели мы,
покидая сегодня с капризом.
На дороге опять
пляшут грустно огни,
растекаясь мечтой по карнизу.

Змеиный яд – в орлиный клюв, и с богом

Вобравши случаем орлиную свободу,
Влачусь опять склоненною змеей,
По лабиринтам повседневных кодов,
По узилищам терны бытовой.

В унылом жанре вечных расписаний,
В минорном игрище непреходящих тяжб,
В коловращении бессрочных состояний,
Так просится неистовый пассаж.

Неисполнимая охота мчит за мною,
Настырным вождельем наводя,
Размерность вздернуть ветреной петлей,
И подковать шального скакуна.

Змеиный яд – в орлиный клюв, и, с богом.
Над скалами раздастся моя песнь,
Созвучным эхом, всем мирским дорогам,
С пристрастьем на бродяжничаю честь.

Спящий город

Тесных улочек томный покой,
Темные арки умолкших дворов,
Опочивальня глухой мостовой,
В проблесках спящих фонарных столбов,
Тянется вяло в Селеновой дымке,
Промеж гряды колоссов-домов.
Звездный зефир трется в развилках,
Дремой укутав витринный покров.
Тверди небесной, застыв, изваянье,
Град сервирует, в отсветах своих,
Зрелищем мертвенно мерных созданий,
На заготовках полупустых.
Сердце недвижно доменных кузниц,
Стынет жарынь душистых пекарнь.
Томная сдержанность узеньких улиц,
В собранных грезах ночных икебан.

Морская песнь

Перст провидения час улучит,
В коем отбросим швартовы к нечистой,
Вскинем ветрила за Эос лучистой,
Трюмы сполна и в сольнѹю пучину.

В хляби рифленой морского творца,
Волны срубая, пробьем горизонт,
Курсом открытым нордовых звезд,
Крепкой кормой, вослед беглецам.

Шлейфом полнощным отринем штормá,
Лютых обставив проворным узлом.
Гладь распростертая – отчий мой дом,
Шири лазурь – отрада жена.

Никому неизвестная проза

Никому неизвестная проза,
Никого недостойной жизни,
Не смотри на меня раскосо,
Мне не станет от этого стыдно.

Не кори, не пеняй на другого,
Пусть другой над собою глумится,
Лучше вверх мудреца мне такого,
Что своею судьбой не кичится.

Непонятные ходят слухи,
Будто вымерли мы с тобою,
Не усердствуй, отдай им в руки,
То, что алчут они до боли.

И в покое найдется лира,
Что гармонией ляжет пред нами,
Никому неизвестная сила,
Ни за кем незамеченной тяжбы.

Рукописным штрихом прокладываю

Рукописным штрихом прокладываю
Путь-дороженьку лет отмеренных,
На развилках веет прохладю,
По прямой, оно ведь уверенней.

Но в прерывистом этом почерке,
И включает себя вся истина,
Мне спокойная степь, как прочерки
С омертвевшей душой перелистовать.

Подсыпает судьбинушка пороху,
Я же дам огоньку искрящего!
Мне не жалко, пусть строки шорохом
Разрывают бумагу спящую.

Милая окраина

Кинута, заброшена
Родная сторонушка,
Травушка не скошена
Под игривым солнышком.
Домик ветхий вдавлено
В землю накреняется,
Все давно оставлено
Без присмотра маяться.
Дикий зверь хозяйничает
В тех краях отброшенных,
Дождик с ветром чайничают
У крыльца заросшего.
Кровелька дырявая
В гости ждет луны ребро,
Горницу чтоб малую
Выписать под серебро.
Этим лишь и радуя
Пору одиночества,
Где ж еще отраду то,
Сыщешь на обочине,
В пыль копыт изъезженную,
Видавшею многое,
Туда вдаль, надеждою
Пролагал дорогу я.
Ты теперь в развалинах,
Долго мы не виделись,
Милая окраина,
Что в стихах привиделась.

Люблю я зиму русскую

Люблю я зиму русскую,
Под толщею сугробов
Мороз, искрясь похрустывает,
На грунте босоногом.

Запорошит дороженьку
Метелица развязная,
Кружась в мелу восторженно,
Румяны щек обвязывая.

В безбрежье течи звездной
Таинственно бескрайней,
Люблю я Русь морозную
Со вьюгою нахальной.

После дождя

Катятся мелодии дождя
В изголовьях бархатного леса,
Теребят цветистые поля
Гроздями струящейся завесы.

В пересветах радужных поют
Хороводы птиц многоголосых,
Бродит вздорно ветер-баламут,
По березовым ветвистым косам.

Запряжен уж облачный картеж,
Уносясь, и солнцу уступая,
Воздух, в желтизне небесных вежд,
Луговым дурманом накрывает.

Мотыльки кружат пестрящей мглой,
Мать-земля вдыхает свежесть ливня,
Зазывая тропкою грибной
Сердце в край мечты и изобилья.

Тройка

Бежит тройка удалая,
Бубенцов задорный звон
Разнося с собой по краю,
Скрытый инеем и льдом.

По сибирским белым степям
Держит путь она далек,
Запрягли их на рассвете
И погнали на восток.

Скакуны вздымают ноздри,
Ветра мерзлого хватив,
Снег искрится, словно слезы
В копнах густовласых грив.

Мчит стремглав, гонима стужей
Тройка вороных коней,
И по вольной-воле тужит,
А та тянется за ней.

Солнечный джаз

Плюется огненное солнце
Рубцами позолотых стрел,
Слепящей негой задается
Земли обхваченный надел.

Искрится танго водных бликов
В прозрачной синеве озер,
Янтарный блин на самом пике,
Вскарабкался над скопом гор.

Лелеют лиственные шапки
Гонцы полуденных лучей,
И движет по небу украдкой
Десница тысячи свечей.

На берегу реки в ноябрьскую пору

Ветви клонятся к водице,
Скоро белая метель
Будет в их кистях гнездится
Рядя снежную постель.
А досель, ноябрь правит

На туманных берегах
Речки стылой, прорастая
Дымкой бледной в небесах.
Осень, ведая кончину,
Припасла в заветный час
Чуть согретую личину
Своих бледно-желтых глаз,
И омыв в них краской спавшей
Наши алые сердца,
Запорхает, попрощавшись,
С отведенного крыльца.

Оскал рубиновый заката

Оскал рубиновый заката
Зардел над мглой морской гряды,
Хотел я день и ночь сосватать
Чтобы с тобою быть, увы,
Ты с первой звездочкой растаешь,
Оставив мне ночную грусть,
Все исчезаешь, исчезаешь,
Когда, лишь страсть воздела грудь,
И ложе знойное готово,
Разостлано желаньем душ,
Но исчезаешь, снова, снова,
Мотивами дурацких нужд.
Оскал рубиновый угаснет,
Сойдет ночное бремя сна,
Где я так счастлив и несчастлив,
Ведь ты со мной и нет тебя.

И эти холода переживем

И эти холода переживем,
Под толщей льда, давай, как прежде верить,
В тепло объятий, рук,
ведь нам вдвоем
С тобою столько предстоит еще отмерить.

Озноб и дрожь дыханьем укротим
Горячих поцелуев, слов сердечных,
Мороз не страшен, когда вместе с ним
В душе влюбленных летняя беспечность.

Мари

Мари, Мари, далекий образ,
Мечта, сокрытая от глаз,
Чей рядом слушаешь ты голос
В полночный, заповедный час.
Кому дозволено касаться
Руки твоей, зовя с собой,
Любить и тут же не бояться
Проснуться в келии пустой.
Мари, Мари, земная сказка,
Видений искушенных миг,
Ты угрожающе прекрасна,

Для тех, кто так и не постиг,
Любви искусства в этом сердце,
Желанной слабости от ласк,
Ответных вождельню действий
Из твоих уст, из твоих глаз.

Дорога

Не подкупна и сурова,
Откровенна и пряма,
Моя дальняя дорога,
Что на сердце вскорь легла.
По изгибинам и кочкам,
По косматым терням рощ,
По бурьянам непроточным,
Убегая лентой в ночь.
Зазывая вдаль лукаво,
Расстилая горизонт
В солнцедьшащей оправе,
Швом, скрепившим синь высот.
Смотрится в свои узоры
Над туманами полей,
Опоясавших просторы,
И влечет соблазном с ней.

Молодецкая

Мило моё солнышко,
Сочна моя травушка,
Вбейте сердце кольшком
За родной оградой,
Не пускайте в дальние
Страны неизведаны
Молодца отчаянного,
Путь-дороге верного.
Коли дом покинет свой,
Не вернется, знает он,
Часом жалуйте покой
Удали раскованной.
А когда придет пора
С миром уж проводите,
Зорька, ясная сестра,
Месяц путеводный мой.

Егерь

Егерь, баньку растопи,
Я устал с дороги,
Чаем с медом напои
Странника лесного.
Путь мой долог был к тебе,
Всех ночей не хватит,
Чтоб поведать о судьбе
Ловящей удачу.
Предложи ночлег и кров,
Отплачу за дружбу
Чем богат, весь мой улов

Сердца благодушье.
Расспроси чем я живу,
И о чем мечтаю,
Скрасив сумрак тишину,
В своем диком крае.

И вот я снова, как ребенок

И вот я снова, как ребенок,
Срываю голос в склоках фраз,
Скрипя дыханием неровным
При виде ее карих глаз.

Шучу нелепо и несмело,
Блещу геройством на словах,
И замирая, между делом,
Казню неловкий свой рассказ.

Ловлю в ее устах улыбку,
Как теплый луч весенних дней,
Вниманьем ревностным проникнув
К ней, мыслью трепетной о ней.

И вспоминаю долгим часом
Мгновений мимолетный след,
Которые нарек – прекрасным,
Дороже коих в жизни нет.

Румяный вечер стынет мирно

Румяный вечер стынет мирно,
Глощает космы горизонт
Солнцеворота, звездной тиной,
Уж скорым часом ночь всплывет.
Роняет свежесть лик небесный
Подвижной рябью ветерка,
Готов сфероид тяжеловесный
Луны взойти, издалека
Стреляя серебром туманным
В гранат закатной пелены,
И тонет невесомо-плавный
Бордовый оттиск, меря дни.
Сточились суеты потуги,
Осела пыль дорожных пут,
И разлилась простором смуглым
Предтеча колыбельных сутр,
Благоговейная сонливость
Густых лесов, цветных лугов,
С ней черной мантией забилась
Плоть ночи в ледяной остов.

Выбивают пыль копытца

Выбивают пыль копытца
По дорожке нарезной,
Дикий конь сквозь поле мчится,
Сотрясая зной дневной.

На восточные просторы,
Чрез бескрайний горизонт,
Устремлен широким взором
Его резвоногий ход.

Рассекает ветер гриву,
Ноздри всасывают дух
Изумрудных переливов
Трав, играющих вокруг.

И несется прытью статной,
За лучистой зарей,
Миг свободы вороной,
В край далекий, безвозвратный.

Нанизывают гроздьями дождя

Нанизывают гроздьями дождя
Испарину небесные каналы,
По толстобрюхой смуглости скользя,
Сливают наземь влажную усталость.

Строенем облачным ползет небесный стан,
Гонимый рыком грома ломового,
Слезятся локоны кудрявых икебан
Проженных туч и воздуха дневного.

И взвевается озябший дух воды
По всем окрестным взгорьям и ложбинам,
Протяжной тенью небо заследив,
Под россыпь легковесности дождливой.

Ходить по улицам вечерним

Ходить по улицам вечерним,
И напевать сердечный ритм,
Не предаваясь во значенья,
Не сторонясь пустых обид.

Не гнать тревогу восвояси,
А хмелем легкость припускать,
Быть в своей главной ипостаси,
Иль хоть на миг ее принять.

Вот бытия стезя любима,
Вот просветленье для ума,
Ведь ты душа, ты так ранима,
Ведь ты душа совсем одна.

Так воспорхай над тьмой ночною,
Сверкни в подсветках фонарей,
Лети над беглою толпою
Далеких звезд, ночных огней.

Дайте хлеба теплого с золотых полей

Дайте хлеба теплого с золотых полей,
Родниковых вод глоток холодный,
Из лазурных неба простыней
Ласки солнца, да ветров проворных.

Дайте тенью сосен чистоту,
Полевых цветов красу простую,
И многоголосье по утру,
Что несется птичьим сабантуем.

Дайте мне земли родной комок,
Я слеплю свой мир из рыхлой горсти,
Я вдохну в него природы легкий слог,
Коего так сердце яро просит.

Осень запрягает сани золотые

Осень запрягает сани золотые,
Холодом дождливым мечет по углам,
Птичьих уст свирели все насквозь простыли,
Замостил брусчатку листопадный хлам.

Каплями плевки солнца собираем,
Торжествуем с каждой спазмою тепла,
Кашляет уныло ветров бурных стая,
И счищает лето осени метла.

Травяные лохмы заплелись соломой,
Долговязость ночи состригает дня
Светлые мгновенья, близится истомой
Мертвого простоя сонная пора.

Зыбкая надежда тает редкой искрой
Солнечных насмешек в стылой конуре,
И небесным плачем вновь наружность стиснув,
Расплескалась осень в сочном янтаре.

Морская пьеса

Свирепствует пьеса морская,
На бреге взрываясь волной,
Бежит непроглядная стая
Посыльных стены дождевой.
Сверкают разряды огнива
Небесного, лязгает гром,
По всхолмленным яростным ливнем
Обширностям матовых волн.
Гудят ураганы и с ревом,
Крушат своды мачт кораблей,
Громят паруса под напором
Неистовства, сотней чертей
Спускаются к палубам суден,
В приплясе погибельных бурь,
И дьявольским выдохом будят
Штормов скалозубую хмурь.
Мчат черным наездником тучи
Над гневной материей вод,
И хлещет размытую сушу

Бичом пенным водоворот
Пучины морской, льется драмой
Окрест мореходская песнь,
Разносится грозною славой,
Напутствием в штиль чтоб осесть.

Чистый образ детских снов

В поле вольном, в поле диком,
Солнце градом льет тепла,
На густые малахиты
Травяного волокна.
Мчат зефиры, бьют ключами
Ледяные родники,
Шевелюрою качают
Рожи пышной цветники.
Дух грибной и запах ягод,
Воздуха полнят приливы,
И парит небесным садом
Облаков белёсых грива.
Запинаются тропинки,
В островках болотных мхов,
И смахнув с листка росинку,
Как не верить по старинке
В чистый образ детских снов.

Бичуют капли зеркала размытых лужиц

Бичуют капли зеркала размытых лужиц,
Нахмурив брови, пелену стянула высь,
Дробь водяная, нагнетая сырость, кружит,
Погодной хворью мысли задались.

В них отражение небесное – слезинкой,
В них поминание унылых кораблей
Туманов и испорченные снимки
Погожих дней, погожих, ясных дней.

И шепчет дождь мне что-то по секрету,
Роняет крохи стылой мокроты,
А в голове рождаются приметы
О том, да сем, в прострации воды.

Дышать Богом

Видеть и слышать,
Что в наших силах, что в нашем праве,
Видеть и слышать рассвет на горящих волнах
Под крепкой десницей Бога.
Ты еще дышишь,
Значит ты ветер, значит ты с нами
Дышишь рассветным огнем,
Это здорово.
Знать,
Это то Слово, что озаряло начало начал,
Верой
Видеть и слышать,

Видеть и слышать,
И снова,
Снова дышать,
Как парус вселенной,
Что в нашем сердце.

Приросла к земле под солнцем деревенским

Приросла к земле под солнцем деревенским
Душенька крестьянская Руси,
Распылилась синей занавесой
Над мехами облачных трясин.
Темный бор, да полжшко златое
Воедино прижились в углу степном.
В сердце русское, открытое, простое
Забивается березовым хлыстом
Тишина, молчащая дорога,
Одинок свитая вдаль,
Леса многоствольные пороги
Что облюбовали соловьи.
Песни, пляски, сказы и поверья,
Рёбра пашен, мирные дома,
На устах, медовых от забвенья
Сохранила юности пора.
Приросла к земле под солнцем спелым
Ветрогонка, русская судьба,
Соловьем мне на ухо пропела,
Что нам горе, горе не беда.

Зимняя

Холодное солнце – звезда снежной свиты,
Зима обивает пороги домов,
В замочную скважину стонут сердито
Полярные ветры, острожники льдов.
За ними метели, за ними морозец,
И белые улицы сонной грядой,
И длинные ночи, посланцы бессонниц,
И волны сугробов над твердью земной.
Пора ожиданий, обитель смиренья,
Надежд старых кран и для новых разгон,
За белой метелью, за снежной тенью
В мечтах новогодних нестися вдогон.
А все, как и ране, молочные тучи
Спускаются пухом на крыши домов,
На плети деревьев, на вечер тягучий,
На бледную кожу и стылую кровь.
Холодной луны обрывок печальный
Гримасой своею устлал мне глаза,
Зима в сердце тихо и мирно сучает,
По плеску речному, живым голосам,
По жгучим лучам, по пескам золотистым,
По пряже пахучей лужаек цветных...
Зима обреченно вздохнет ветром чистым,
И мне улыбнется бесовка на миг,
Все теплые грезы в прозрачную стужу,
И старую песню затянет натужно,
Холодные ставни – затворки души,
Вся ночь впереди, куда нам спешить.

Зимний день

Мишурой молочной снега
Зимний кутается день,
Коротает время беглым
Солнцем и ныряет в тень
Длинных ночек, сном природы
Убаюкивая час,
Закупоривая воды
Пленкой в ледяной каркас,
Обнажая кудри леса,
По земле метелью мчит,
И спускается навесом
Алебастровым, молчит
Меланхолией угрюмой,
Лишь мороз трещит молвой,
Сея пору для раздумий,
Сыпля вьюгой заводной
На заваленную кровлю
Коченеющих домов,
Лепеча немногословно
Про холодную любовь,
Про студеное влеченье,
И про ледяную страсть,
Рядя в снежное свеченье
Мерзлоты бездушной власть.
Морося лилейной крошкой,
Снег тропинки порошит,
И в оконные обложки
Иней росписи крошит.
В зимний день, под зимней ночью,
Освежает сердце пыл,
Зарываясь в снежных клочьях,
Спит в берлоге хлада мир.

Мимолетная Москва

В муравейнике пробок дорожных,
Серенадой гудков озвученном,
Мы ползем по асфальтовой коже,
Через заборы высоток скученных.

Жизнь дыханием быстрым разносится,
Жизнь с рекламных подмостков красуется,
Суматоха на сердце просится,
Как витрина душа рисуется.

Мы ныряем с Тверской восхищением,
На Кремлевской равнины символы,
Мы плюем фотовспышки свечением,
Собирая мазки застылые.

И опять в болото подвижное,
И опять мимо храмов каменных,
Нам пора возвращаться к ближнему,
Этот ближний – дорога дальняя.

Законсервированная душа

Законсервирована паутина
Души в доспехи тела,
Размазана по руслу вен,
Скитается в трущобах тлена.
Обрезки крыльев лечит спиртом,
Кует свободы отголоски,
И мается природой клетки,
Рядясь в подкожные обноски.
Глядит невзрачными глазами
На сон дурманящего лета,
Грустит по рощам райских дланей,
И ад несет за жизнью ветхой.
Забитая клеймом в свой век,
Души поклажа сиротело
Сочится изредка на свет,
Строкою срыгивая спелой.

Вечер скован, ветер стонет

Вечер скован, ветер стонет
В преклоненной голове,
Ставни глаз устало ломит
Сквозняками фонарей.

Кремом бледно-белым снега,
Заряжая у виска,
Катят зимнюю телегу
Грусть, унынье и тоска.

Насаждаются пустоты
Размышлений, подо тьмой
Звезд стеклянных вьются соты,
Отливаясь в хром луной.

Вечер стиснут, ветер мысли
Разгоняет, как чертей,
На глазах печаль повисла,
Под глазами серость дней.

Ты слов не жалея

Ты слов не жалея для испытанных душ,
Что верой и правдой служили,
Как вы пережили сто вьюг и сто стуж,
Напомни и расскажи им.

Ты дел не забудь, что отваги полны,
Борьбы пред судьбой незавидной,
Друзей поддержи в эти трудные дни,
Друзей, за которых не стыдно.

Наполни очаг теплотой тех сердец,
Бок о бок, что доблесть ковали,
Вдыхали огонь и глотали свинец,
Но правды своей не продали.

Ты слов не жале́й, закаленных в крови,
Для тех, кто ее с тобой делит,
Для тех, кто лежал у холодной земли,
И так же отчаянно верил.

Распинали на сердце любовь и надежду

Распинали на сердце любовь и надежду,
Провожая чумазы́й закат,
Возбуждались на кровь и похабную нежность,
Пьяным заревом били в набат,
Скорлупой показухи плодили легенды,
Восхищались хромой красотой,
Пережитки души искромсали на ленты,
Схоронив омертвевшей весной.
Оплевав простоту, возвели в ранги глупость,
Приценили совесть рублем,
Развели по углам недоверье и лютость,
Проедая друг друга живьем.
И обманная свежесть гнилого пространства,
Заливая глаза, усыпляла умы,
Как чума, зарывались во смраде мещанства,
Истекаяся желчью слюны.
Но пришел час, когда растворяется небо,
И крошится земля в серный прах,
Мы просили тогда о воде и о хлебе,
А спасение было в ногах.
Мы бежали до края пустого оврага,
Кто-то падал и кто-то вставал,
Скрылось солнце, а мы еще верили в благо,
Но его уже каждый продал.

Сумасшедший поэт с большой дороги

Выжму все соки из пресной молвы,
Да наскребу суку-рифму,
Черное небо, ночь говорит
Со мной,
Прошитая мифами.
Огненным залпом выпью тоску,
Да разметаю безбожно,
Складом разгульным сброшу в весну
Лицо с пожелтевшей обложки.
Степь балагурную вкусят глаза,
Штопором ветер навьючит,
По бездорожью, ни шагу назад,
Сердцем рифмуя случай.

Кто умеет видеть

Кто умеет видеть,
Тот полон тайны
прекрасного,
Кому дано любить,
Тот тверд в надежде света.
За кем идет огонь,

Тот освещает вас
Из тьмы заблудших душ,
Смиранным лунным ветром.
Где вписаны слова,
Сокрытые от мира,
Там пробил час зари,
Вещающей о дне,
Когда сойдет печаль,
И воцарится лира
Прозрения сердец,
Нашедших путь в себе.

Зачехлило зиму половодье горластных ручьев

Зачехлило зиму половодье горластных ручьев,
Тетивою дождя неба серый ковер растянулся,
Умываясь в тепло, талый снег испускал наземь кровь
Ледяного престола и мокрою грязью тянулся,
Через прорези зелени, жизни вдохнувшей едва,
Через улиц нагие пространства и думы прохожих,
Пробужденных капелью и песней от белого сна,
После коего топли метели в разбросанных лужах подножья.
Изумрудные соты на смену белесым волнам,
Поспешили взвихриться, гудело в ушах от восстанья
Освежающей длани весны, заковавшей морозы в свой храм,
Что спешит жарить солнце и сердце зовет на свиданье.

Кто я, бард, иль поэт, нет, не знаю

Кто я, бард, иль поэт, нет, не знаю,
Но одно утверждать я берусь,
Что от песни душа – живая,
А от музыки ласковой грусть.

И внимая аккордам плывущим
По волнующей ряби ладов,
Я забуду о хлебе насущном,
Чтоб припомню молодку любовь.

На мелодию стянуться мысли,
Обратившись в гармоник поток,
Вспрынут лёгкие воздухом чистым,
И прорежется истово слог.

Пой, моя шестиструнная любя,
Прыская эхом мажорных валов,
И горя минором потугим,
Лей мне веру, надежду, любовь.

То ли дождь, то ли снег

То ли дождь, то ли снег на задворках зимы,
То ли гром, то ли лед под ногами дал треску,
Опускаю глаза, покалено воды,
Поднимаю, все в белой нарезке.

То ли течь, то ли стынь, то ли свет, то ли тьма,

Чехарда межсезонных фантазий,
Молодится трава, опускаю глаза,
Под ногами развалины грязи.

То ль ручьи-соловьи, то ли стигмы земли,
То ль влюбленность, то ль старое бремя,
Этот дождь, этот снег у окраин зимы
Все смешали на сердце в мгновенье.

Исповедь сердцу

Сердце, не молчи, открой,
Мне завесу своих таинств,
Я последую с тобой,
Как невидимый скиталец,
По извилистой судьбе,
С легким вдохом откровенья,
Обратив свой взор к тебе,
И ища благословенья,
Как напутствий в добрый час,
Чтоб светило верой правой,
Чтоб хрусталь усталых глаз
Душу не томил прохладой,
В дуновении любви,
На пороге твоих таинств,
Что желанны и новы,
Что с тобой во мне рождались.

Я сам дизайнер своих снов

Я сам дизайнер своих снов,
Искусных мнимых зарисовок,
Посею мир, пролью и кровь,
На полотне ночных массовок.

Приблужу явь видений тех,
О каковых в дневных раздумьях,
Помыслить счел б за тяжкий грех,
Но ночь стирает грань безумья.

Найду тебя в крошечной мгле
Шальных рисунков воспрятья,
В который раз позвав к себе,
В который раз сомкнув объятья.

Я сам творец полночных грез,
Растленных смолкнувшим сознаньем,
Умытых песней горьких слез,
И радостью очарованья.

Солнца всплеск лимонной сетью

Солнца всплеск лимонной сетью
Пути вьет навстречу мне,
Тень моя крадетя ветром
По заваленной земле
Ворсом трав, в колючий омут

Движет след, сгораю я
В неизвестности бездонной
Твоих троп, земля моя.
Плодородная царица,
Заплутал я во степях,
Полно волею напиться
Даришь мне, но на устах
Шепот устали, привалом
Сердце грезит мне вдогон,
Душеньки стрекает жало
Возвращением домой.
Но суровостью твоею
Я не первый год пленен,
И с закатом багровея
Все откладываю в сон.
А на утреннем прорыве,
Снова одержим зарей,
Когда вектор солнца вскинет
Желтый плащ, тропой прямой
Пролагаю вихрем дали
Долготы и широты,
Нету места для печали
В диких пленниках версты.

Пульс жизни

Режет небо синевою,
В солнце день искриться,
Так гуляй душа и пой,
Лейся по страницам
Светом утренней зари,
Радостной прохладой,
И цветы любовь внутри
Белокурым садом.
Распускай свои плоды
В сердце молодецком,
Под небесные шатры
Прорываясь с блеском.
Нагнетай своей игрой,
Восхищая праздно.
В омут кинусь за тобой,
В твоей мгле увязну.
И дойдя до врат златых,
Постучу в надежде,
Разжигая яркий миг
Ветром твоим нежным.
Пробегу твоей тропой
По бескрайней роще,
Променяв души покой
На цветные ночи.
Что мне бледная луна,
В пламенном светиле,
Пусть кружиться голова
На безумном пире.
Счастье в гости завлеку,
Утоплю тревогу,
Другу я ль открыт, врагу,
Все равны пред Богом.
На просторах своих лет

Заживу по царски,
Молод, стар ли, воли нет,
Бросить нрав бунтарский.
Да простит меня судьба,
Что ею не приручен,
Дом мой – вечная весна,
Ей душа созвучна.
В стороне моей всегда
Юная беспечность,
Что мне жизни чехарда
Во хмелю сердечном.
Мне б нестись по склонам гор
В творческом посыле,
И вести горячий спор
Пока свежи силы,
С безнадегой и страдой,
Рвущихся на воздух,
Что летая надо мной
Строят свои козни.
Признаю я лишь одно
В серости лукавой,
Что до нас ей, все равно,
Так забудьте ж, право,
Ее бледный, жалкий вид,
Сердцу не перечьте,
Пусть пылает и горит,
Его гимны вечны.

Серпом месяц косит ночку

Серпом месяц косит ночку,
Распыляя звездный прах,
Ватной ширмой лезут клочья
Тьмы, запутавшейся в снах.
Мы с тобой кружимся тенью
В ручейках фонарных свеч,
Под немое восхищенье,
Под размеренную течь
Чернотелых переулков,
Обесточенных домов,
Чтоб взрывался эхом гулким
Мир возлюбленных дорог.
Мы с тобой слетим в безумство
Единением ветров,
Каждый шаг мой, дань искусству,
Когда с ним твоя любовь.

Станцуй мне фламенко

Станцуй мне фламенко, танцовщица с юга,
Мятежной волною огня
В мелодии ветра, что с уст шестиструнных,
Пленит созерцаньем меня.

Блесни на подмосткам звездой чернокудрой,
Вьюном в ритмах ходких змеясь,
Опутав в изгибах слепящей фигуры
Зеницы взволнованных глаз.

Испанскою страстью, затми стынь грядущих
Времен, без улыбки твоей,
Когда я оставив сей берег цветущий,
Уйду с чередой кораблей.

В сердечную память, на долгие годы,
Что нашу приязнь разлучают,
Станцуй мне фламенко, прощальным аккордом,
У гавани скрытой печали.

Раздели со мною

Раздели со мною терпеливый труд,
Ремесла любви в обличье послепраздном,
Нимф сердечных сонмы пусть уют куют,
Чувствами, в горниле недосказанного.

Пронеси со мною тягости пору,
Что забилась льдом под моим крылом,
Закопай в земле скорби городьбу,
И засеи ее солнечным теплом.

Пробудись со мною в русле свежести,
Пусть минувшее нежит рассказы,
Нет до них у нас принадлежности,
Когда вслед любви мы не порознь.

Спадает облачная пена

Спадает облачная пена,
Вскрывают ставни небеса,
И солнце, вырвавшись из плена,
Теплом ложится на глаза.

Стеклянных капель звонкий лепет
Съедает вырвавшийся луч,
И радостью рожденья светит,
Гоня тоску унылых туч.

Беснуется поток воздушный
Под легким натиском ветров,
И вьется лучик прямодушный
На изумрудный скос лугов.

Идет на убыль тучей тина
За полноводною рекой,
Где солнца луч неутомимый,
Бродя синеющую ниву,
И сотрясая жгущей гривой,
Стреляет златом надо мной.

Кому грех, а кому жизнь

Кому грех, а кому жизнь,
Кому воздух, кому дым,
Зла на сердце не держи,

Если выпало вам с ним
Через воду и огонь,
Через тернии болот
Разделить приютом дом
Черных дней и непогод.
Он другой и он неправ,
Он ползет, а ты паришь,
Ты не лезь в его устав,
Ты его еще простишь.
Лучше дай ему зарю
В восхожденье ваших солнц,
Кому жизнь, кому игру,
Кому реку, кому мост.

Город

Дышит город парами заводов,
Греет торс кровотоком машин,
Дегустирует сточные воды,
Источая неоновый дым.

Смотрит наземь с фонарных обрезков,
Стопы кутает в мусорный хлам,
Бранью сыпет по улицам тесным,
И спешит к покаянию в храм.

Отрывается чванно на ниве
Мракобесия и кутерьмы,
Наживая бессчетные зимы
Вечных льдов небоскребной тюрмы.

Тянет в темень подрядом жестоким,
Попивая души нищей сок,
В недоверии всех одиноких
Обитателей душных берлог.

Не живется по накатанной

Не живется по накатанной,
Сердце в праведном спокойствии,
Словно соткано заплатами,
Но под ними нет довольствия,
Только раны дремлют жгучие,
Только язвы точат лезвия,
Так от случая до случая,
А затем, опять над бездною.
Без туманов, нету ясности
Взора чуткого, беспутного,
Жизнь моя болеет гласностью,
Смерть, лишь дань сиюминутности.
Там за дальними кордонами
Страны и моря неведомы,
Не задьшит сердце сонное,
Пока шрамов не отведает.

Играй на бубне мне шаман

Играй на бубне мне шаман,
Хозяйка лей кумыс
В черепяной кувшин, Алтай,
Явись во сне, явись.

Витай в дыму свободный дух,
Хранитель древних тайн,
Играй шаман, играй, пусть слух
Кружит сегодня пьян.

В край первобытной старины
Лети напев, лети,
Цепляя горные хребты,
За звездные персты.

Стояла девушка у моря

Стояла девушка у моря,
Тоской исполнена была
Пучина волн, она одна
Была созвучна ее доле.
Стояла робко и дрожа,
Но взгляд сцепившись с горизонтом,
Был строг и ясен, и о ком-то,
Скорбил он, в сердце дорожа.
Глаза, как ночь, пронзали свет
Что ниспадал с луны туманной,
И тешил призрачным обманом,
Что рядом тот, кого уж нет.
Она не верила, ждала,
Ждала, не смея на надежду,
Но море плакало как прежде,
А девушка была одна.

Желоба размытых дорог

Желоба размытых дорог
Обрамляют пространную пустошь,
Ускользая в небесный поток,
Горизонт подпирая, ревуший
Окровавленным телом заката.
Уплывает течение взгляда
В рассыпного огня палаты,
В потускневшего дня обряды.
Сердце, пьяное бодрым эфиром,
Преподносит восторженный отклик,
В колыбели бездонного мира,
Багровея лучистой топкой,
И крича, что есть мочи, в дальний,
Наполняемый ночью остров
Утомленной земли, знамя
Водружают светильники-звезды
Сонной темени, тают дороги,
Искушая ночлегом цели,
И травой заплетаются ноги,
И скрываются в лунной постели
Помышления о грядущем,
Ждущем свежего дня восходе.

Окропляет дорожную гущу
Зыбь Морфея гипнозом, и снова
Желоба размытых дорог
Режут леской ветвистой равнину,
Сколько их, знает разве, что Бог,
Мне еще отсчитать мерой львиной.
Я иду, не могу не идти,
Я плыву, не возможно сдержаться,
Ведь я только на полпути
К тому дому, где с миром остаться
Повеленьем укажет тропа,
Приручив уютом заветным,
Где лазурью осев, высота,
Мне откроется жизнью и смертью.

Мы маскируемся под лица

Мы маскируемся под лица,
Мы жизни видимость растим,
Один, под властный нимб стремится,
Другой, прислуживает им.

Мы создаем коммуникаций
И жизней-образов миры,
Боясь безличными остаться
На гребне слухов и молвы.

И день за днем рисуем браво
Авторитет, престиж, успех,
Борясь неистово за право
В ответе быть за вся и всех.

Мы маскируемся под роли,
Мы в режиссерский метим клан,
Но режиссер, без нашей воли,
Свистит, кто пан, а кто пропал.

Мгновенье жизни – срок немалый,
Мгновенье сердца – краткий срок,
Поймать его, почесть за славу,
Сберечь его, считай, что бог.

По нити тонкого призванья,
Не оборвав струны, пройти,
То тусклый свет предначертанья,
Что знает, истина – в пути.

Янтарная река

Зажги свечу,
Ее пламя – твоя душа,
Зажги свечу,
Ее тепло – твое дыхание,
Смотри на огонь,
Смотри в себя,
Видишь свет,
Это солнце, это луна,
В твоих глазах замирают

Янтарной рекой.

Моя жизнь

Я такой же обычный парень,
Я пишу обычные песни,
Мне сказали, это призванье,
Я ответил, куда только лезет.

Я шпаную занюханый угол,
Я лопоть, отрезанный богом,
Я шатаюсь ветром по ульям,
Я ищу пни, да сугробы.

Грязным снегом, подрезанным стеблем,
Это я, всем, чем вздумался городу,
Мои тени, черным по белому,
Мои улочки, белым по черному.

Я вином поднимаюсь в горы,
В темну ночь западаю похмельем,
Не в богатство мои годы,
Не в надежду моя вера.

Мои годы песок у моря,
Моя вера волны, да тина,
Я не знаю другого горя,
Кроме жизни сердцем невинной.

На меня смотрят с укором,
На меня вешают что-то,
Это нравится моим волнам,
Это мой песок гладит кто-то.

Я такой же обычный парень,
Я не знаю ноты и формы,
Мне сказали, стихов валом,
Я ответил, так было больно.

Отзовись мне

Отзовись мне лаской летней,
Усмиряя хлад зари,
Приближая день заветный,
Где мы будем, лишь одни,
Под сокрытьем нераздельным
Свитых тождеством начал,
На разостланной постели,
У любимого плеча.
Отзовись мне бодрым ливнем,
Унимая зной небес
В гроздях облаков чернильных,
Духоте наперевес.
И разлейся речью струнной,
Наполняя пустоту
Ночки лунной, я безумный,
В эту пору не усну.

Собираю с неба

Собираю с неба
реликтовый фон
через приёмник сердца.
Кажется,
и не верится,
вселенная дышит музыкой.
Симфония пустоты,
предание вечной ночи.
Этот шум полон блюза,
он
печален,
как золото осени.
Изливаются в ручейки
подкожного трепета
ноты.
Можно,
я сделаю громче,
Господи.

Воскресла утра поцелуем стать земли

“

Воскресла утра поцелуем стать земли,
Залились краской маяки зари-молодки,
И песней-пляской ручейки задор несли
По линиям овражным и высоткам.

Из литургии ночи в марш дневной
Глашатай неба, самородок солнца,
Вернулся моросить янтарной мглой,
Замкнув лучом звезд таящих оконца.

Снимая стражу полуночных фонарей,
Возводит утро свет на мирозданье,
И временной аллюр берет резвей
За суетой ожившего сознания.

В поле хмурый закат

В поле хмурый закат
Облизал небеса,
И ночная звезда
Пробивала фасад
Полутьмы, полусвета.
Закипал горизонт
В лаве солнца, полет
Моей мысли, как ветер
Разносился вокруг
Торжества двух границ,
Опаленных ресниц
Ока Ра, и на слух
Падал тихим шипеньем
Глас остывшего диска,
Золотым обелиском,
Что вещал пробужденье.

Смысл померк на словах,
И, лишь только в глазах
Отражалось души восхищенье,
Под студенной луной,
Приотлив час ночной,
Разрываясь на части мгновеньем
Вдохновенных картин,
И, как в ночь пилигрим,
Унося меня звездным теченьем.

Вишневые зори

Ты помнишь вишневые зори,
И мягкие сени травы,
Листвы шаловливые вести,
Что наши с тобою следы
Игривой, волнующей песней
Навстречу багровому морю
Закатного часа вели.

Ты помнишь, идя без оглядки,
Как хлесткие стебли вьюна
Сливались единою жадой,
Напиться друг другом сполна,
И небо закатною сажей
На нас осыпалось в сладком
Вечернем дыханье огня.

Ты помнишь любви аромат,
Ручьев серенады, земли
Постель, согретую нами,
И глаз обжигающих пламя,
Сердце прожженных угли,
Поющих в вишневый закат.

Танец сезонов

Дождливый кисель смакует земля,
Под натиском капель чугунных осели
Зеленые гривы деревьев, а я
Смеюсь и танцую на мокрых аллеях.

Ползет раскаленного солнца ладья,
Под зноем ветров соломой черствеет
Степная щетина травы, но, а я
Смеюсь и танцую на ярких вкрапленьях.

Шлифуется льдами речная стезя,
Под снегом запряталось вьюги веселье,
Продрогнут ладони, но кто, как не я,
Станцует на стылом разгулье с метелью.

Болото вязкое, густая поросль

Болото вязкое, густая поросль,
Гуляла Машенька под небом звездным,
Бродила по лесу, да пела песенки,

Кружилась пляскою, болтала с месяцем.

Болото вязкое, густая поросль,
Ступала Машенька дорогой поздней,
Дивилась ноченьки, да умилялася,
Сегодня к милому она свидалася.

Болото вязкое, густая поросль,
Домой вернулася, встряхнула косами,
Взглянула в зеркальце, налилася сладостью,
Ко сну сготовились девичьи радости.

Болото вязкое, густая поросль,
Забылася Машенька ночными грезами,
Приснился суженый, да роща вешняя,
И сердце ясное, в любви утешное.

Над морским холстом бескрайним

Над морским холстом бескрайним,
Что волною дикой вышит,
Проносилась чаек стая,
Разрезая неба нишу,
Напевая песнь свободы,
Белоснежными крылами
Ветр ловя быстропроходный,
И блуждая с ним часами.
Солнце проливало злато,
Небо заходило синью,
И за чайками куда-то
Сердце моряка просилось.
Его парус, словно крылья
Чаек, был судьбой раскинут,
Что отсчитывала мили,
Коей был он не покинут.

Блудная тень прошлого лета

Блудная тень прошлого лета
Носит прощанье,
Рьяно дрожа милым секретом,
Кадров сакральных.
Крепкой десницей бережно ловит
Лики истекшего,
Знай моя дальняя, время все помнит,
В сердце утешном.
Глаз благодарных не скинуть в забвенье.
Подлинно знаю.
Взора безбрежье не высушить тлением.
Правда родная.
Истово ширится мера контрастов
Яви и были.
В зимней сторожке, завтра угасло.
С летом остыло.

Ты отзывалась на эпитет Афродиты

Ты отзывалась на эпитет Афродиты,
Глаза морские поднимая на меня,
Русоволосой прядью о ланиты
Играя, точно ленточкой огня.

Ты исчезала и являлась мне внезапно,
Стремглав бросая живописный, яркий шлейф,
И жаждал я, что ожидаемое завтра,
Благословит два сердца на распев.

Ты вдохновляла музою покорной,
И убивала недоступностью сродства,
Желание вписавши своевольно
Любви прекрасной у расхожего холста.

Театр теней

Старый дом,
Театр теней над стеной,
Лепесток заплывшей свечи
Содрогаются вальсом,
Хам-ветер рычит,
Разбивая оскал об окно.
Окрыленные сны туман на воде
Собирают,
Луна бьет в набат,
Старый дом,
Опаленные окна горят
Резкой памятью о тебе.
За тобою придет моя ветхая песнь,
Прорываясь завесой дождей,
Как поймашь,
В ладонях своих обогрей
Ее мокрую, зыбкую весть.
Под резиновый купол ночного угла
Собирается пыль тишины,
За тобою ползет мой фантом,
Лишь взгляни,
И оставь над стеной до утра,
У постели твоей
Под присмотром свечи,
Ее воск, как елей,
Помолчим,
Помолчим...

Помолись за меня, ночь

Помолись за меня,
ночь.
Я твое отражение
в зеркалах
бездонной поэзии.
Утешь напоследок,
скоро
заря прорежет,
блаженная,
стезей в новый день.
Тень спадет

и с тобой я расстанусь,
незримая,
заповедная роскошь
души.

Воспетая сладость

Воспевая сладость женских линий,
Я становлюсь бесконечной прямой
В геометрии хрупкого мира
Созерцательной тайны.
Если ты видел
Жадных до взора,
То знаешь и страсть,
Ее сила
В бессилии очарованья.
Моя плоть потрясает смиренность души,
Вожделение неба, обрушившись в ноги,
Замирает.
Все дороги,
Давно уж не в Рим,
Все дороги,
К тем немногим,
Что так хороши, правом нимф,
Порожденных в чувственном слоге.

Четырехсезонье

На степную благодать
Песен хороводы,
Красно солнце не унять,
Дай воды холодной.

Золотых ветвей тряпье
Пожинает ветер,
В иней слякоти бульон,
Не дождусь рассвета.

По морозной колее
Белая метель,
Сочный хруст, да лязг саней,
Вязкий сон в постель.

Развеселая гурьба
Сорванцов-ручьев,
В цвет забава трын-трава,
Роспись под любовь.

На степную благодать
Солнечная крона,
Дорогая, время вспять,
Встретились мы снова.

Когда осень слетает прохладой

Когда осень слетает прохладой,
Я смотрю в одинокое небо,

И под сенью желтого сада
Незаметной строкою беглой
Провожая солнечный образ,
Обрастая ветренным воем,
И срывая простуженный голос,
Укрываю глаза луною
В тихий холод, сошедший ликом
Вдохновенной, знакомой печали,
Осаждаясь дождливым рыком,
Что собою явит окончанье
Пережитого в жаркой отчизне,
И напетого в теплой неге,
Этих красок души живописной
Не опавшей листвой, не снегом
Не свести...

Глаза, отлитые в рассвет

Облачным пухом взбиваются сливки небес,
Даль моя светлая обруч янтарный вскатила,
Сердце по миру несет пробуждения песнь,
Взор отливается солнцем в рассветном горниле.
Сходит кофейная гуща фантомов ночного,
День новорожденный, новым глашатаем вьет
Гаммы, аккорды, тона и созвучия, словно
Кто-то еще здесь надеется, верит и ждет.
Мне ли надеется, верить и ждать дозволения часа
Вскрыть горизонты и плюнуть душою за них,
Кости мои, вы не крылья, вы брренное мясо,
Вам ли плести меня в этот безудержный миг.
Облачной ватой крошится небесная поступь,
Даль моя светлая, дай мне ветров пободрей,
И оброни на меня свои жгучие, ясные косы,
Чтоб мои очи зарею созрели скорей.
Рвите канаты, топите в себе обреченность,
Грезы дерзайте, слетайтесь на мед перемен,
Так говорила свободная воля, с тем билась ученость,
Так ободрялся и тешился истиной тот, кто посмел.
Где-то зиждется дождь, где-то засухи корка,
Где-то в молочных снегах поля белизны,
Где-то найдет меня буря, но будет ли толку
Мне от смирения штиля, без этой грозы.
Мои глаза отливаются солнцем в рассветы,
Пусть и сожгу наперед, не за что, не про что и зазря,
Но, с тем, прочту в этой каше лучистого света
Имя свое, что разносится в струнах огня.

Стоптан морозом в тулупы зимы

Стоптан морозом в тулупы зимы,
Иней хватает за ребра,
Скользкими пальцами белые дни
Пишут метели-дороги.
Поле продрогло в молочных слезах,
Падает ветер ледышкой,
Голая тишь, да разутый монах
Храма солнечной вишни.
Пастью снежной поэзии

В слабости тел величие снов,
Просится смыслом прощанье,
Только одно,
Свеча-любовь,
Застывшим венам сознанья
Грезит в тепло.

Молодые рассветы с востока ведут

Молодые рассветы с востока ведут
В опаленную степь
Мою душу-водицу,
Раскаляется небо, дороги поют
Позолотой полей,
Да слепую границей.

Память режет свинцом удаленных станиц,
Одиноких дворов,
Да забытой земли,
Расползается степь сором птиц-небылиц,
Переключкой ветров
На безбрежье мили.

Эх ты воля-судьба на разбросанных камнях,
Да стрелах речных,
Уноси мою веру,
Нам беда – не беда, мы с тобой расстоянья
Покроем молитвой
Нового неба.

И струной горизонта прорвем мирный сон
У застойных колодцев,
Да мертвых бараков,
Стать немая прогнулась, да в степь опален
Голос первопроходца
Собственных страхов.

Еще одна подведена черта

Еще одна подведена черта,
Сошлась узлом судьбы-дороги лента,
Созрели память, скорбь и пустота
От собранного траурного пепла.

Отмерен срок, отписаны года,
И все же, мало, как не грей сужденья,
Срослись слезою боль и тишина
В туннелях и пространствах сожаленья.

А мы живем, успеть бы ко всему,
А мы не ждем и получаем страхом,
Они ушли и мы у них в плену,
В плену вопросов к вечности и праху.

Весна, я твой великий грешник

Весна, я твой великий грешник,

Приспешник ветреных побед,
На оттепель душа-подснежник
Летит, как мотылек на свет.

Страда Венеры, сны Орфея,
Безумство жарких рук ночей,
Поют, закатом багровея,
Все ненасытней, горячей.

Весна, я твой голодный отпрыск,
Поймавший ветер роз птенец,
И лунный свет мне ломит кости,
И ночь зовет огнем сердец.

Доброю приметой

Доброю приметой
Раздувал костры
Солнечного света,
Да сносил дары
К идолам цветущим
Маком полевым,
За зарей ревущей
Тишину косил.
Развесел, румяно
Полнился надежд,
Под закат багряный
Крой ложил одеж.
Миррою ночью
Умывал печаль,
Вопрошал свечою,
Сердцем отвечал.
Доброю приметой
Ратовал за бой,
Где вы волки-беда?
Разбрелись луной.
Промыслом душевным
Подводил глаза,
Где вы хвори-шершни?
Вылились в слезах.
Спешкой злата, поздно,
Я ж и меди рад,
Из ларцов довольства
Скромный мой уклад,
Не богат, не беден,
Не забыт, не знам,
Что огонь, что темень,
Что без стен, что храм.

Грустная песня

Мою грустную песню
Подхватила кисельная осень,
Мою грустную песню
Зализала в иней волчица-зима,
Мою грустную мессу
Продолжают осенние косы
Заклинаний дождей,

Да стенанья морозов.

Мое грустное чувство
Опрокинули ветры дремучих аллей,
Мое грустное чувство
Передали молитвы ночного огня,
Я не чую здесь вкуса
Запорошенных вьюгой-скиталицей дней,
Я не знаю тебя,
Моя рада, моя сторона.

Мое светлое время
Отодвинула в срок лиходейка-судьба,
Мое светлое время
Выжидает со снастью рожденных из пепла,
Моя дань во спасенье
Все равно по весне,
Как тоска б не брала,
Мне на этой земле
Этой волей-неволей согрета.

Жил-был дурак

Карамельные сумерки
вносят прохладу
на звездном фарфоре,
Мы с тобой умерли
для этой жизни,
для этой боли.
Мы с тобой вестники
черного света
ясной печали.
Ветры окрестные
нас убаюкали,
значит сначала.
Под невесомую флейту
ручьев
в рощу цветную,
Снова и снова
солнечный брод,
сердцем рисуя.
Веру в кулак,
мир на ладонь
ветром окрестным,
Жил-был дурак,
да только не тронь,
всякое к месту.

Легкая вода

Видимое, но неразличимое,
Слышимое, но не говорящее,
Сокрытое в знании, но не познаваемое,
То, о чем промолчат мудрецы седых гор,
Единство земли и неба,
Слияние света и тьмы,
Творящее сердце легкой воды.

Вплетаю в струны неба

Вплетаю в струны неба
Мелодию сердца,
Позволь, я буду надеяться,
С первой проталиной снега,
С первым лучом золотым
Солнечной перемены,
Что наша с тобою вера
Ватный туман, не дым,
Нежный рассвет, не пепел,
Вплетающий в струны неба
Первым лучом золотым
Мелодию чистого света,
Музыку ясного чувства,
Ветреный глас пробужденья,
Не ремесло, искусство,
Искусство прожить мгновенье,
Как целую жизнь без остатка,
На высоте живого
Забытого легкого слова,
Строки, откровением сладкой.

Черная ночь твоих глаз

Черная ночь твоих глаз
Преломляется таинством
Лунного ветра,
Я крадусь между звезд,
Между игрищем фраз
Полуночных бродячих поэтов.
Я слепец, я посланник
Крылатых речей,
Моя ночь опустилась затменьем,
Я иду по пятам
Храма звездных свечей,
Я ищу в тебе страсть во спасенье.
Эта черная ночь,
Беспробудная даль,
Отворяется холодом неба,
Я бродячий аккорд,
Во хмельную печаль,
Что растает с рассветом бесследно.

Послесловие

Паломники доброй печали
В садах изумрудной весны
Сжигали жалости песни,
Да пили терпения воду,
Так рождались стихи
Первых цветов.